

УДК 347.1

**СООТНОШЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ
И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СЕКУНДАРНЫХ ПРАВ**

© 2020 г.

С.Ю. Хазиев

Башкирский государственный университет, Уфа

hsy92@mail.ru

Поступила в редакцию 29.10.2019

Добросовестность, как один из основополагающих принципов гражданского права, имеет особое значение в рамках осуществления вторичных прав. Использование лицами юридических возможностей, составляющих содержание вторичных прав, и учёт интересов противоположной стороны в силу её «связанности» с последствиями реализации вторичных прав обуславливают необходимость выработки общей, абстрактной характеристики добросовестного поведения. На примерах нормативного регулирования отношений, а также судебной практики делается акцент на тот факт, что обладающее вторичным правом лицо должно с необходимостью принимать во внимание фактические, непосредственные интересы иных участников правоотношения.

Ключевые слова: вторичные права, добросовестность, интерес, юридическая возможность, правоотношение.

Вторичные права, как специфичные правовые элементы содержания гражданско-правовых отношений, являются предметом научного интереса со стороны цивилистической науки на протяжении длительного периода времени. Учитывая особую черту, характеризующую направленность осуществления вторичных прав, а именно – на организацию, преобразование и прекращение правоотношения, а также принимая во внимание, что правоотношение предполагает всегда нескольких участников, с необходимостью зададим вопрос относительно границ осуществления вторичных прав в контексте интересов противоположной стороны, фактическое и правовое положение которой следует обозначить как пассивное состояние «подчинения» или «связанности» и над правовой сферой которой обладатель вторичного права может осуществлять полномочия.

При этом такое «связанное» лицо не может исключать себя из сферы таких полномочий, а должно подчиняться им. Именно данное обстоятельство ставит вопрос о том, каким образом возможно осуществление вторичных прав с тем, чтобы их реализация соотносилась с интересами связанной стороны. Ответ следует искать в общих принципах гражданского права. Так п. 3 ст. 1 Гражданского кодекса РФ определяет, что при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Далее также установлено, что никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения.

Данный принцип, несмотря на его первостепенную важность, появился в Гражданском кодексе РФ относительно недавно, что нельзя сказать применительно к гражданскому праву других стран. Добросовестность, как необходимое условие реализации правоспособности, осуществления гражданских прав, исполнения обязанностей, закреплена во многих законодательных актах зарубежных стран в области регулирования гражданско-правовых отношений. Названный принцип установлен в качестве стандарта поведения в области международной частной коммерции: так, в Принципах международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) 1994 года в ст. 1.7 закреплено, что каждая сторона обязана действовать в соответствии с принятыми в практике международной торговли добросовестностью и честной деловой практикой, при этом стороны не вправе исключить или ограничить эту обязанность. Согласно абз. 1 ст. 7 Венской конвенции, при её толковании необходимо, помимо прочего, учитывать цель соблюдения «добросовестности» в международной торговле.

Сама суть категории «добросовестность», её изучение и исследование имеют долгую историю, она разрабатывается доктринами различных стран как Европейского региона, так и Североамериканского континента. Таким образом подчеркивается универсальный характер данного принципа, имеющий своё значение и влияние в романо-германской и англосаксонской правовых семьях. Так, немецкая цивилистика отождествляет «добрую совесть» с моральным стандартом и рассматривает её как морально-

правовой принцип, который раскрывается через такие свойства человеческого поведения, как честность, порядочность и тому подобные [1, с. 82]. В большинстве правовых систем стран мира принято проводить различие между субъективной и объективной добросовестностью. Субъективная добросовестность обычно сводится к такому состоянию сознания человека, как незнание или невозможность знания определенного факта или события. Объективная добросовестность рассматривается как концептуальный стандарт, на который обычно ссылаются в качестве нормы поведения договаривающихся сторон, т.е. «действовать в соответствии с доброй совестью» [2, р. 620].

Американская правовая система также оказалась под влиянием концепции «доброй совести» (good faith), рассматриваемой как неосознанное и абстрактное качество, не имеющее технического смысла или законодательного определения и включающее в себя, среди прочего, честное убеждение, отсутствие злого умысла и отсутствие замысла обмануть или извлечь необоснованную выгоду [3, р. 693].

Отечественная цивилистическая доктрина также находится на пути исследования и выявления сути данного правового принципа уже на протяжении многих лет. Г.Ф. Шершеневич отмечал, что «взгляд на различие между правом и нравственностью следует понимать так, что право оценивает отношение человека к другим людям с точки зрения соответствия установленным объективно нормам, тогда как нравственность оценивает то же отношение с точки зрения мотивов, побуждающих к такому поведению» [4, с. 316–317].

Стоит упомянуть небезызвестное утверждение И.А. Покровского, а именно: «Принцип договорной свободы закрепляет несвободу экономическую и при известных условиях может являться фактором настоящего экономического рабства» [5, с. 263]. Несколько расширив сферу охвата данного высказывания, можно отметить, что свобода воли субъектов права детерминирована и обусловлена экономическими условиями жизни общества. Более того, следует отметить, что даже социальная диспозиция элементов общественной структуры оказывает значительное влияние на правовую сферу взаимоотношений людей.

Противоположность, разнообразие, многочисленность фактических интересов приводит к осознанию необходимости права как такового. Таким образом, право, выступая регулятором общественных отношений, тем самым упорядочивает их, очерчивает границы дозволенного. Субъекты права получают в своё распоряжение

набор правовых средств, позволяющий обеспечивать удовлетворение интересов, их охрану и защиту в случае необходимости. Однако, с учётом сдержек и ограничений, устанавливаемых правовой системой, невозможно полностью исключить проявление экономической составляющей деятельности лиц, т.е. фактических интересов неюридического характера. Подобная взаимосвязь и обусловленность экономической и правовой сфер общества должны восприниматься как разумеющаяся, характерная черта человеческой природы и общности людей. Именно данное обстоятельство должно быть принято во внимание при анализе соотношения интересов различных лиц, участников общественных отношений, сторон обязательства, контрагентов договора. В рамках такого рассмотрения соотношения интересов с целью обеспечения их баланса право использует, помимо прочего, такую категорию, как добросовестность. На первый взгляд, может показаться, что использование субъективной категории неприемлемо либо, по крайней мере, не совсем корректно, так как мотивы поведения, непосредственное психологическое целеполагание и отношение лица к значимому с точки зрения права поведению лежат за пределами гражданского права, имеющего дело лишь с проявлением вонне интересов субъектов права. К примеру, Л.В. Щенникова и М.О. Быкова высказывались по этому поводу так: «Можно ли добросовестность обозначить принципом гражданского законодательства? Думается, что нет. Ведь принцип – это основная идея, отражающая смысл гражданского законодательства. Но идеи из внутреннего, а значит, субъективного, не могут отражать смысл того, что объективно существует, т.е. гражданско-правовой материи. С этой точки зрения п. 3 ст. 1 ГК РФ – это научная ошибка» [6, с. 51].

Однако если посмотреть на историю развития частного права, то можно со всей очевидностью утверждать, что субъективная сторона человеческой деятельности всегда выступала определяющим фактором развития самого права как нечто объективного, лишённого «чувств». Ещё И.А. Покровский писал: «...вопросы права утрачивают свое самодовлеющее значение и делаются лишь частными отголосками больших философских вопросов», тут же отмечая, что «видимые течения в юриспруденции оказываются лишь продолжением других, невидимых течений, скрывающихся глубоко в наших этических убеждениях или предрасположениях» [5, с. 80].

Использование оценочных категорий в частном праве предопределено самой его сущно-

стью. Частное право – это сфера реализации автономии воли, свободы. Люди обмениваются своим трудом ради взаимной выгоды, со взаимного согласия, каждый по собственной воле, когда их личные интересы совпадают и обе стороны заинтересованы в обмене.

Безусловно, степень этой свободы может быть различной и зависеть от большого количества факторов: это общий уровень развития цивилизации, принадлежность к той или иной правовой семье, социально-экономические условия развития страны, внутренняя и внешняя политика правящего класса, та или иная идеология государства. Однако, какими бы ни были конкретные индивидуальные особенности правовой системы, как бы ни была сведена к минимуму мера свободы усмотрения относительно собственного поведения в рамках частного права, оно всегда сохранит свою суть – автономию воли. Если субъекты права её лишены, то и нельзя говорить, что есть частное право как таковое.

Предоставленная частным правом свобода, определяющая правовое поведение субъектов права, нуждается в оценке качества её реализации в том смысле, что свобода одного лица может затрагивать свободу другого. Критерием такой оценки призван служить принцип добросовестного поведения. Так, в научной литературе допускается, что «понятие “добросовестность” в контексте взаимоотношения морали и права имеет существенное значение как моральное и связующее понятие, используемое законодателем в текстах нормативных актов для придания соответствующим правоотношениям этической окраски» [7, с. 24]. Однако сказанное не означает, что добросовестность как этическая, нравственная категория является чем-то противоположным праву, каким-то внешним фактором. Ещё в немецкой литературе по этому поводу отмечалось, что «задачей принципа добросовестности является обеспечение правового регулирования отношений таким образом, чтобы достигался результат, который подразумевается и преследуется действующим правом» [8, с. 90].

Принцип добросовестности находит своё конкретное выражение в рамках тех или иных правоотношений, поэтому нужно сказать, что одним из аспектов закрепления и применения принципа добросовестности в праве следует признать его реализацию при осуществлении участниками правоотношений их вторичных прав. Это обуславливает теоретическую и практическую значимость изучения значения данного принципа в контексте правоотношений, осложнённых вторичными правами.

Таким образом, в рамках осуществления вторичных прав требование добросовестного поведения должно с необходимостью накладываться на вторично-управомоченное лицо ограничения реализации с тем, чтобы по возможности исключить злоупотребление вторичными правами. Сказанное, безусловно, справедливо и для субъективных прав, однако особая правовая сущность вторичных прав, позволяющая в одностороннем порядке оказывать влияние на чужую правовую сферу путем конструирования правоотношений, предполагает и требует более внимательного отношения к осуществлению таких прав.

Так каким же образом должны соотноситься добросовестность с одной стороны и интерес с другой, причём интерес как вторично-управомоченного лица, так и «связанного» лица? Как верно отмечалось в немецкой цивилистической литературе, правообладатель не находится в «вакууме», вовлечение его в те или иные общественные отношения накладывает на него обязанность осуществления его прав таким образом, чтобы при этом учитывались права и интересы контактирующих с ним лиц [9, S. 45]. Однако встаёт вопрос: какой именно интерес должен учитывать правообладатель при реализации юридических возможностей, заложенных в вторичных правах? Придерживаясь концепции выделения непосредственного юридического интереса и фактического интереса, опосредованного этим самым юридическим интересом и представляющего социально-экономическую ценность, отметим, что само по себе осуществление вторичных прав не может приводить к нарушению или ущемлению прав и интересов противоположной «связанной» стороны, при этом стоит особо подчеркнуть – интересов юридического характера. В самом деле, осуществление предоставленных участнику правоотношения вторичных прав коррелируется с правами и обязанностями иных участников правоотношения, т.е. с их правовым положением, представляющим для них юридический интерес. Вступая в правовые связи, обуславливая модель и структуру юридических взаимоотношений, стороны такого правоотношения принимают факт наличия в его структуре таких односторонне осуществляемых юридических возможностей, соотносят со своим правовым положением и допускают возможность их реализации, тем самым фактическое осуществление вторичных прав, в какой бы момент и с каким бы умыслом и целью это ни происходило, не может повлечь за собой нарушение юридических интересов противоположной стороны.

Но подобный формализм осуществления вторичных прав подрывал бы нравственные, этические устои взаимодействия людей в обществе, с необходимостью присущие праву вообще и гражданскому праву в частности. Безусловно, такие субъективные морально-нравственные основы кардинальным образом отличаются от одной общности людей к другой, от одной исторической эпохи к другой, отличной может быть степень их взаимосвязи и взаимообусловленности с правом, однако тем не менее нельзя не учитывать их определяющую роль в построении справедливой правовой системы и моделей правоотношений, основанных и существующих в рамках такой системы. Данный фактор также находит своё подтверждение в п. 6 Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, где акцентировано внимание на том, что развитие экономики и становление гражданского общества требуют использовать все возможные меры и средства гражданского законодательства, чтобы обеспечить добросовестное и надлежащее осуществление гражданских прав и исполнение гражданских обязанностей [10].

Таким образом, можно прийти к выводу, что добросовестность поведения вторично-управомоченной стороны правоотношения требует принятия во внимание и учёта не юридических, а социально-экономических интересов «связанной» стороны. То есть добросовестность предполагает, что лицо, обладающее вторичным правом, при осуществлении этого права будет соотносить свои юридические интересы (представленные как субъективными, так и вторичными правами) и фактические интересы (которые опосредованы интересами юридическими) с фактическими интересами других участников гражданского правоотношения. Таким образом, государство, полагаясь на должный уровень морально-нравственного развития и сознания граждан, предоставляет им возможность самостоятельного установления и реализации правоотношений. И в случае нарушения объективного права, наличия конфликта по поводу осуществления прав и обязанностей публичная власть берёт под охрану установленные правоотношения путём отправления правосудия, в рамках которого производит оценку поведения лиц, в том числе с точки зрения добросовестности, определить которую стороны правоотношения самостоятельно в данном случае не в состоянии.

Однако оперируя столь относительным понятием, используя его в качестве критерия надлежащего поведения субъектов права, зададим другой вопрос: какова в свою очередь со-

держательная сторона такого критерия? В научной литературе отмечается, что «при отсутствии в законе общих критериев добросовестности суды не имеют необходимых ориентиров при применении названных норм» [11, с. 33]. Дискуссия по поводу данного принципа приобрела особую интенсивность ввиду нововведений в гражданское законодательство. Во многом содержание добросовестности вырабатывалось и уточнялось в каждом конкретном случае в правоприменительной практике.

Если попытаться несколько абстрагироваться и взглянуть на гражданско-правовые отношения со стороны, как на некую идеальную модель, служащую ориентиром для общественных отношений и их участников, то можно распознать тот всеобъемлющий подход права как регулятора социально-экономического взаимодействия людей в обществе – это усреднение всех составляющих общественных отношений. То есть такая идеальная модель общественного отношения предстаёт как некоторое произведение средних значений, характеристик – субъектов права, их интересов, как юридического плана, так и социально-экономического, набора юридических возможностей и долженствования, наличествующих в конкретных условиях и времени. Так И.А. Покровский высказывался, что гражданско-правовые нормы «покоятся на предположении некоторого абстрактного человека, своего рода «гражданского человека». Это – некоторая средняя фигура, представляющая эмпирическое суммирование потребностей и качеств, свойственных среднему в данной социальной среде и в данное время человеку» [12, с. 33].

Не вызывает сомнений, что такой подход «абстрактного человека» с необходимостью должен применяться к принципу добросовестности как к понятию, не имеющему своей строго формализованной дефиниции в силу нравственно-этической принадлежности. Таким образом, мы должны определить добросовестность в её усреднённом значении. Представляется верным, что решение данной задачи возможно с точки зрения рассмотрения функционального предназначения принципа добросовестности.

В правоприменительной практике отмечается, что принцип добросовестности способствует выравниванию договорной диспропорции, а также определяет пределы осуществления участниками гражданских правоотношений своих прав, выход за которые влечет отказ в защите для лица, обладающего этими правами [13]. Таким образом, подчеркивается ограничительная функция данного принципа.

Однако ограничительная функция принципа характерна для неразвитых социально-эконо-

мических условий и соответствующей им низкой правовой культуры общественного взаимодействия. Цивилизация в целом, государство как общественный институт, право как регулятор общественных отношений должны ставить своей целью достижение наибольшего уровня процветания и благосостояния человеческого общества, что возможно лишь путём создания и установления высоких стандартов взаимодействия производственных отношений и производительных сил, соответствующего им сознательно-волевого восприятия участниками таких отношений. Достижение такого уровня взаимодействия должно обуславливать новую, качественно иную модель поведения в целом. Следовательно, гражданское право обязано быть созвучно таким общественным отношениям и восприниматься как гарант честного и справедливого обмена ценностями. В рамках такого гражданского права принцип добросовестности также будет иметь новое качественное применение и выполнять, прежде всего, стимулирующую функцию как усреднённое необходимое и ожидаемое поведение «абстрактного лица», соотносящего свои интересы с интересами иных участников гражданского оборота. По мнению М.М. Агаркова, начало доброй совести означает честность в отношениях между людьми, что каждый должен оправдать то доверие, без которого невозможно совершение гражданских сделок [14, с. 432]. С точки зрения конструирования правоотношений посредством осуществления секундарных прав, принцип добросовестности должен предполагать, что лицо будет реализовывать предоставленные ему юридические возможности таким образом, как оно с разумностью ожидает от иных лиц в подобном правовом положении по отношению к себе.

Так, Верховный суд РФ отметил, что добросовестность при осуществлении гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей предполагает поведение, ожидаемое от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны [15].

Сказанное не должно быть истолковано как обязательность альтруистических действий, без какого-либо обоснования. Напротив, добросовестность предполагает разумность и рациональность поведения субъектов права, направленного на удовлетворение их интересов посредством секундарных прав, которые имеют результатом образование или преобразование правовых отношений, и тем самым влияние на чужую правовую сферу.

Подводя итог относительно значения и места добросовестности в процессе осуществления секундарных прав, необходимо резюмировать, что реализация юридических возможностей в одностороннем порядке, направленных на создание и преобразование правоотношения как идеальной модели фактических объективно существующих взаимосвязей и взаимодействий людей, имеет в качестве движущей силы социально-экономический интерес. Причём такое осуществление секундарных прав должно соответствовать «абстрактному» добросовестному поведению, предлагающему «усреднённый» стандарт. Так, О.М. Родионова писала, что «добросовестность следует рассматривать как ту ценность, которая выступает в волевом процессе в качестве мотива принятия решения о совершении действия в реальном частном отношении» [16, с. 47].

Безусловно, за таким «абстрактным лицом» не должна пропадать конкретная личность со своим определённым статусом, как правовым, так и внеправовым. «Фигура этого абстрактного, «гражданского» человека не вовсе лишена человеческих качеств» [12].

Список литературы

1. Яценко Т.С. Гражданско-правовая охрана публичных интересов: Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2016. 363 с.
2. Hartkamp A.S., Hondius E.H., Hesselink M.W. et al. The Concept of Good Faith // Towards a European Civil Code / Eds. The Hague. Boston & London: Kluwer Law International, 2004. P. 619–649.
3. Black's law dictionary / By Henry Campbell Black. 6th ed. St. Paul, Minn.: West Publishing Co., 1990. 1253 p.
4. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. III. М., 1912. 698 с.
5. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М., 2001. 354 с.
6. Щенникова Л.В., Быкова М.О. О добросовестности как принципе гражданского права // Власть закона. 2013. № 4 (16). С. 47–51.
7. Федин И.Г. Добросовестность как правовая категория // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 21–30.
8. Нам К.В. Развитие принципа добросовестности (Treu und Glauben). Современный этап. Внутренняя систематика // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 83–114.
9. Esser J., Schmidt E. Schuldrecht. Band I. Allgemeiner Teil. Karlsruhe, 1975. 294 S.
10. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2009. № 11.

11. Цакоева М.А. К вопросу о формах реализации принципа добросовестности в обязательственных правоотношениях в свете новелл Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Юстиция. 2017. № 1. С. 32–39.

12. Покровский И.А. Абстрактный и конкретный человек перед лицом гражданского права // Вестник гражданского права. 1913. № 4. С. 30–50.

13. Определение Верховного Суда РФ от 2 декабря 2014 г. № 5-КГ14-121. Доступ из справ.-правовой

системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.10.2019).

14. Агарков М.М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве // Известия АН СССР. 1946. № 06. С. 425–437.

15. Определение Верховного Суда РФ от 29 января 2019 г. № 4-КГ 18-93. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.10.2019).

16. Родионова О.М. Механизм гражданско-правового регулирования в контексте современного частного права. М.: Статут, 2013. 336 с.

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF «GOOD FAITH» AND THE EXERCISE OF THE SECONDARY RIGHTS

S.Yu. Khaziev

«Good faith» as one of the fundamental principles of Civil Law has its application in the exercise of the secondary rights. The use by persons of legal opportunities that make up the content of the secondary rights and consideration of the interests of the opposite party due to its «connection» with the consequences of the exercise of the secondary rights necessitate the development of general, abstract characteristics of «good faith» behavior. The author uses some examples of legal regulation of relations, as well as litigation practice, to emphasize the fact that a person with the secondary right must necessarily take into account the actual, direct interests of other participants in the legal relationship.

Keywords: secondary rights, good faith, interest, legal opportunity, legal relationship.

References

1. Yacenko T.S. Grazhdansko-pravovaya ohrana publicnyh interesov: Dis. ... dokt. jurid. nauk. M., 2016. 363 s.

2. Hartkamp A.S., Hondius E.H., Hesselink M.W. et al. The Concept of Good Faith // Towards a European Civil Code / Eds. The Hague. Boston & London: Kluwer Law International, 2004. P. 619–649.

3. Black's law dictionary / By Henry Campbell Black. 6th ed. St. Paul, Minn.: West Publishing Co., 1990. 1253 p.

4. Shershenevich G.F. Obshchaya teoriya prava. Vyp. III. M., 1912. 698 s.

5. Pokrovskij I.A. Osnovnye problemy grazhdanskogo prava. Izd. 3-e, stereotip. M., 2001. 354 s.

6. Shchennikova L.V., Bykova M.O. O dobrosovestnosti kak principe grazhdanskogo prava // Vlast' zakona. 2013. № 4 (16). S. 47–51.

7. Fedin I.G. Dobrosovestnost' kak pravovaya kategoriya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2018. № 4. S. 21–30.

8. Nam K.V. Razvitie principa dobrosovestnosti (Treu und Glauben). Sovremennyy etap. Vnutrennyaya sistematika // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2018. № 7. S. 83–114.

9. Esser J., Schmidt E. Schuldrecht. Band I. Allgemeiner Teil. Karlsruhe, 1975. 294 S.

10. Koncepciya razvitiya grazhdanskogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii (odobrena resheniem Soveta pri Prezidente RF po kodifikacii i sovershenstvovaniyu grazhdanskogo zakonodatel'stva ot 07.10.2009) // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. 2009. № 11.

11. Cakoeva M.A. K voprosu o formah realizacii principa dobrosovestnosti v obyazatel'stvennyh pravootnosheniyah v svete novell Federal'nogo zakona ot 8 marta 2015 g. № 42-FZ «O vnesenii izmenenij v chast' pervuyu Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii» // Yusticiya. 2017. № 1. S. 32–39.

12. Pokrovskij I.A. Abstraktnyj i konkretnyj chelovek pered licom grazhdanskogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. 1913. № 4. S. 30–50.

13. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 2 dekabrya 2014 g. № 5-KG14-121. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 07.10.2019).

14. Agarkov M.M. Problema zloupotrebleniya pravom v sovetskom grazhdanskom prave // Izvestiya AN SSSR. 1946. № 06. S. 425–437.

15. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 29 yanvarya 2019 g. № 4-KG 18-93. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 13.10.2019).

16. Rodionova O.M. Mekhanizm grazhdansko-pravovogo regulirovaniya v kontekste sovremennogo chastnogo prava. M.: Statut, 2013. 336 s.